

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ **7**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ **89**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ **163**

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ **227**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ **303**

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ **413**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В начале весны, в последний день масленичной недели, в нашем городе произошло ограбление и убийство. Трагически кончил жизнь известный, уважаемый человек, историк — искусствовед Пётр Георгиевич Ворошилов, 65-летний обладатель коллекции старых икон и других редкостей, имеющих отношение к религии.

Одинокий житель благополучного района, хозяин собственного большого дома.

Крепкий, без признаков стариковской дряблости, в прошлом — перспективный московский учёный, кандидат наук. Затем — конец карьеры, переезд из Москвы сюда, на родину, в город Павлово — и вот: смерть.

Поздним вечером преступник разбил окно, влез в дом и похитил редкий предмет: часть деревянной статуи, голову женщины.

Деревянная голова хранилась в особой стеклянной витрине, которую злоумышленник также разбил.

На шум из спальни выбежал хозяин дома.

Что произошло дальше — никто не знал. Петра Ворошилова нашли мёртвым возле разбитой витрины.

На пульте дежурного по городу был отмечен звонок: Ворошилов успел сообщить о вторжении то ли непосредственно перед встречей с похитителем, то ли сразу после неё.

Следов насилия на теле не отыскали; по официальному заключению, несчастный умер от обширного инфаркта.

Таким образом, юридически случай не попадал под определение убийства — но городская молва постановила по-другому.

Учёного искусствоведа ограбили и убили — так решили люди.

Многие в городе интересовались этим происшествием. И я тоже.

Ворошилов был местный, наш е н с к и й. В своё время он считался небольшим столичным светилом, несильно, но полезно согревающим издалека свою малую родину. Искусствовед Ворошилов много лет разнообразно помогал городскому краеведческому музею. Он был одним из тех, кто добился сохранения исторической части городской набережной: ходил по инстанциям, по высоким кабинетам. Известно было, что Ворошилов персонально помог нескольким молодым людям, выходцам из нашего захолустья, действительно талантливым ребятам, поступить в лучшие московские университеты.

Однако широкая публика почти ничего не знала про Ворошилова.

Он выглядел просто как благополучный пожилой дядька, владелец кирпичного коттеджа. Он походил на чиновника средне-высокого уровня, ушедшего на заслуженный отдых, или на полковника в отставке.

Сверкнув в столице, сделав судьбу — человек вернулся домой, изнурённый житейскими бурями, — чтобы, может быть, прожить ещё одну жизнь.

Но не прожил.

Делом об ограблении занялся самый опытный следователь городской полиции Вострин, а в помощь ему дали оперативника Застырова, также — мастера в своём деле.

Что касается меня — я оказался замешан случайно.

Меня зовут Антип Ильин.

Я простой человек, деревянных дел мастер, столяр-краснодеревщик, и меня вовлекли в расследование гибели историка Ворошилова по причине профессиональной принадлежности.

Мне, как и другим жителям города, было важно, чтобы преступника нашли и наказали.

Никому не нравится, когда рядом происходит грабёж, наглый и незаконный поступок; если сегодня вломились к соседу — завтра могут вломиться к тебе.

Я знал погибшего Петра Ворошилова, но не близко. Видал несколько раз — на городском рынке, в кинотеатре, на набережной.

Два года назад Ворошилов прочитал в нашей городской библиотеке лекцию о древнерусском храмовом искусстве, и так вышло, что я посетил ту лекцию, и она произвела на меня большое впечатление. Ворошилов показался мне талантливым специалистом, говорил интересно, видно было, что он увлечён, любит свой предмет всерьёз; его глаза горели. Послушать лекцию собралось немного желающих, в основном — пенсионеры из рядом стоящих домов, но зато приехало местное городское телевидение и показало сюжет про Ворошилова в вечерних новостях.

Тогда, два года назад, после лекции, я отыскал профиль Ворошилова в популярной социальной сети Newernet. Ворошилов редко обновлял информацию на своей странице, никаких записей не оставлял, только ссылки на свои статьи, и редкие фотографии; среди них я увидел фотопортрет дочери Ворошилова.

Из любопытства я отыскал профиль дочери.

Её звали Гера, полное имя — Георгия, двадцать восемь лет, из Москвы; художник.

Я заинтересовался ею.

Гера Ворошилова активно пользовалась социальными сетями, публиковала фотографии своих работ: галлюциногенные орнаменты, спирали и концентрические круги, а иногда просто нагромождения пятен; картины показались мне образчиками абстрактного искусства и вызывали чув-

ство тревоги, неразрешённой загадки; лично я не любитель такой живописи, не чувствую её. Насколько я понял, Гере Ворошиловой удавалось продавать свои работы, пусть за небольшие деньги, однако на хлеб и краски хватало.

Геру Ворошилову нельзя было назвать красивой. Уж не знаю, сильно ли она правила свои снимки в фотопопе, прежде чем обнародовать. Чуть широко расставлены глаза, узкие губы и крепкий, почти мужской подбородок с прорезанной продольной ямкой. Слабый плечевой пояс, сами плечи — острые, грудь маленькая, ноги стройные, но отнюдь не модельной длины; худенькая, миниатюрная девушка с умными глазами и приятной улыбкой. Одета всегда концептуально, со вкусом и вызовом, но без перебора.

Ни на одном фото, даже на постановочных профессиональных портретах, я не увидел дорогих украшений, бриллиантов в золотых оправках, и вообще, по многим косвенным признакам видно было, что Гера Ворошилова едва сводит концы с концами.

Богема, она принадлежала к богеме, все её следы в сети, фотографии, тексты, ссылки — всё указывало на её специальный, особенный образ жизни; например, она работала до утра, а затем спала до полудня.

Помимо фотографий картин и фоторепортажей с вечеринок она вывешивала часто и небольшие тексты, записки. Я внимательно прочитал и обдумал все. Из записок следовало, что сама о себе как о художнике она невысокого мнения. Свои картины она считала декоративным искусством, потребным лишь для украшения жилищ. Картины делала специально большие, в рост человека — такие, чтобы можно было повесить на стену большого кабинета директора банка, или в квартире успешного кинопродюсера.

Я наблюдал за жизнью Геры Ворошиловой два года.

У меня никогда не возникало желания написать ей личное сообщение или раздобыть номер её телефона, чтобы позвонить ей и встретиться. Нет, мне нравилось именно позиция Того, Кто Смотрит Издалека.

Из её публикаций было ясно, что у неё нет ни мужа, ни детей.

Не следует думать, что я её обожал, был на ней как-то зафиксирован, был её воздыхателем. Она просто мне понравилась.

Я разглядел прятавшееся в её глазах лёгкое безумие, понятное всем сильным творческим людям; иногда её взгляд был слегка затуманен; она видела не только обычную, явную реальность, но и другие миры: тонкий мир, доступный медиумам и колдунам, и мир тайный, никому не доступный, но лишь предполагаемый.

И вот — оказалось, что отец Геры Ворошиловой погиб при странных обстоятельствах, и Гера Ворошилова — девушка, за которой я наблюдал издалека, — приезжает из Москвы в наш город хоронить отца.

Конечно же, я захотел её увидеть.

Конечно, я захотел помочь ей раскрыть тайну смерти, и стал участвовать в этом так активно, как только мог себе позволить.

Разумеется, я жалел Геру Ворошилову, — на неё обрушился серьёзный удар. С другой стороны, я был уверен, что она легко перенесёт смерть отца. Она была умна, а умные легче переносят горе, и чем умнее человек — тем проще ему пережить тяжёлую потерю.

Предмет, похищенный из дома Ворошилова — голова женщины — датировался примерно XII веком. Голова принадлежала деревянной фигуре, известной как Параскева Пятница,

и считалась ценнейшей, уникальной находкой. Её с удовольствием готовы были принять в дар многие музеи. Но реализовать такую вещь за наличные, каким-либо частным коллекционером, было невозможно. Таких коллекционеров просто не существовало; Ворошилов, судя по всему, был единственным в своём роде.

То есть преступник не собирался похищать голову с целью продажи.

Кроме деревянной головы, в той же комнате в доме Ворошилова хранилась целая деревянная статуя, предположительно святого Дионисия, — она не заинтересовала вора.

Далее, злодей не тронул висевшие на стенах иконы, также — ценные, редчайшие; как раз иконы можно было сбыть задорого и относительно быстро, но преступник иконы не взял, не коснулся даже: отпечатков не нашли.

Наконец, в спальне покойного стоял дорогой компьютер с большим экраном — злодей не взял и компьютер.

Следователь Вострин и оперативник Застыров допросили местных криминалов, барыг, жульё и бандитов, однако все урки в один голос поклялись мамой, что непричастны. Кому нужна отрубленная деревянная голова? Её ни продать, ни пропить, ни проколоть. Вдобавок, по слухам, украдена не простая голова, а конкретно голова статуи христианской святой, а воры в подавляющем большинстве — люди богобоязненные, без веской причины не будут брать грех на душу.

Следователь Вострин поговорил с настоятелем городского храма Святой Троицы отцом Михаилом: что за голова такая? Мог ли её украсть религиозный фанатик? Может, эта голова — святыня?

Отец Михаил — очень практический мужчина — только засмеялся и махнул рукой. Никакая не святыня, наоборот даже. Православные христиане не ставят в храмах деревянные статуи. Их, статуи, давно запретили, аж триста лет назад.

Каноническими являются только двухмерные образа Христа, Богородицы и всех святых чинов. Остатки старинных деревянных изваяний для современной церкви представляют только узкий исторический интерес. Мог ли похитить деревянную голову религиозный безумец? Конечно, мог, безумцы бывают всякие, бывают и те, кто подчиняется бесам всецело. Но лично он, отец Михаил, не знает таких людей в своём приходе, и в случае с похищением головы советует следователю Вострину искать подозреваемого в картотеке городского психиатрического диспансера. Ни один нормальный верующий христианин, сказал отец Михаил, не будет красть и хранить куски старых храмовых статуй, никакого практического применения им нет, и место их — в музее, и больше нигде.

На отпевании и на похоронах я не присутствовал, но забежал на поминальный банкет, и там впервые увидел Геру Ворошилову в реальности.

В дорогом ресторане человек пятьдесят сидело за длинным столом. Я заметил главного по культуре из мэрии, и ещё среди прочих скромно маячил оперативник Застыров: делал свою работу, выглядывал подозреваемых.

На стоянке возле кабака сверкали две дорогие машины с московскими номерами: хоронить искусствоведа Ворошилова приехали его коллеги, двое мужчин и красивая женщина, блондинка без возраста; они, кстати, оплатили и полированный гроб, и поминальный стол с блинами и винегретами.

Но я видел москвичей только издалека.

В обычной ситуации Гера Ворошилова казалась бы привлекательной, но сейчас, в шоковом состоянии, с бледными губами, в чёрном свитере, подчёркивающим худобу, со взглядом непонимающим и беспомощным, она просто сливалась с фоном; вокруг неё скользили приблизительно такие же

люди в чёрном, с умеренно-скорбным или просто задумчивым выражением одинаковых лиц, как бы разгладившихся от близкого присутствия смерти.

Зашёл помянуть усопшего и отец Михаил, и произнёс тёплую речь: покойный, как теперь все вдруг узнали, жертвовал на храм и был верным прихожанином, регулярно причащался и исповедовался.

Отец Михаил говорил прочувствованно и выглядел искренне расстроенным.

Ни к отцу Михаилу, ни к дочери покойного я подходить не стал, — перемялся в дверях и быстро ушёл.

Мне было важно посмотреть на девушку.

Дух её, несмотря на крайнюю подавленность, был огромен и очень силён, подсвечивал лицо и глаза бледно-оранжевым пламенем, какой бывает от горения самого лучшего и сухого дерева.

Потом всё кончилось. Мертвеца почтили трезной — и разошлись, каждый в свою сторону.

Похитителя деревянной головы и саму голову по горячим следам отыскать не смогли.

Спустя три недели в городе произошло другое шумное событие: пьяный чиновник, глава городского отделения пенсионного фонда, на машине сбил старуху. И про деревянную голову забыли.

В интернете есть описание и фотографии головы. Там она называется “деревянная голова святой Параскевы, часть храмовой статуи, XII век”. Также указано, что артефакт “находится в частной коллекции”.

Если верить интернету, деревянная фигура была вырезана из дубового массива, из нижней, комлевой части ствола — самой прочной.

Это дерево было ничуть не слабей железа.

Тому, кто отрубил дубовую голову, пришлось сильно постараться. Чтобы разять пополам кусок дуба толщиной в ногу, обычный человек будет махать топором полчаса.

Деревянную фигуру разбили предположительно в начале XVIII века, в царствование Петра Первого, во времена гонений на иступканов. Голову отделили от фигуры и бросили в огонь, но дубовый комель разгорается медленно; кто-то, не согласный с огненной казнью святого образа, выхватил голову из пламени, сберёг, передал другому, тот третьему, — через триста лет она оказалась в руках Петра Ворошилова.

До наших дней голова дошла частично обугленная с левой стороны.

Резчик, живший почти тысячу лет назад, изваял голову с изрядным тщанием и любовью, Параскева выглядела красавицей, но не на современный манер, а в соответствии с каноном начала второго тысячелетия; про тот канон мы почти ничего не знаем, только догадываемся. У Параскевы большие печальные глаза, непреклонно сжатые губы, треугольное лицо, выпуклый лоб, полукруглые брови (безусловно, богатые брови считались в те времена признаком совершенства, породы, здоровья). Волосы упрятаны под покров, позади затылка — вогнутый нимб, составляющий единое целое с головой. Брови и глаза подведены углём, щёки — свеклой. Покров, очевидно, окрашен луковым отваром, его цвет светло-жёлтый, от времени совсем потерявший яркость. Всё же статую за девятьсот лет существования подновляли около сотни раз, и красители глубоко въелись в дерево; Параскева навсегда осталась краснощёкой, с подведёнными глазами.

Вторая часть деревянной скульптуры — собственно тело — считалась утраченной; очевидно, тело разрубили на несколько кусков и сожгли.